

18+

Марина Макова

ГАЛАКТИКА ДУШИ

СТИХИ

Марина Макова
Галактика души

«Издательские решения»

Макова М.

Галактика души / М. Макова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513456-1

Книга «Галактика души» — доверительный разговор автора с читателями на самые различные темы, которые больше всего волнуют современного человека и что пропускает через себя его душа. Новые стихи автора можно прочитать на поэтическом сайте «Поэмбук» в интернете.

ISBN 978-5-00-513456-1

© Макова М.
© Издательские решения

Содержание

Галактика души	8
Моя дорога	9
Гамаюн	10
Поэзия лежала на прилавке	11
Мое счастье	12
В келейной тишине аллея	13
Небо роняет последний лист	14
Мы живём на контрасте	15
День опрокинулся	16
Зори закрыли в объятьях день	17
Нам в этот год, конечно, повезёт!	18
Я помню	19
Паруса	20
Я жонглирую жизнью	21
Я кричу в пустоту	22
Струи речек, путей и дорог	23
Я помню	24
Это имя моё	25
Я уязвима, пусть	26
Белый призрак равнодушия	27
Я ненавижу серый цвет	28
Помню детство	29
Я иду	30
Откуда-то из детства	31
Уйду	32
Методика управления залом	34
Мне вновь язык фортуна показала	36
Зеро	37
Я – отступление от правил	38
Когда мне тесно, я ломаю двери	39
Бездна по краю	40
Досье	41
А я пантерой стала	42
Встреча одноклассников	43
Когда-нибудь	44
Тупиковое время	45
О чувствах	46
Отчего так везёт постоянно?	47
Остановка полезна	48
У-Вэй	49
Я примерзаю к телефонам	50
Эволюция продолжается	51
Из меня получился бы классный снайпер	52
Уходил отец	53
Скажи мне, брат	54
Дочери	55

Самосотворение	56
Наверно	57
Я наполняюсь смыслом	58
Знаешь, я ни о чем не жалею	59
Что останется?	60
Знаешь, Целитель	61
Время моё	62
О времени не надо говорить	63
Меня нагоняет время	64
Нас с пеленок учили бороться	65
Я рисую свой век с натуры	66
Разговор по душам	67
Птица вещая с неба пала	68
Мой век – чертополох!	69
Переполненные автобусы	70
XX век	71
Здесь мира нет	72
Восемнадцатый год	73
Значит, снова война	74
Идёт охота	75
Разговор на бегу	76
Идет состав по всей Руси	77
Снова время пожаров	78
Картонная леди	79
Очумелый одуванчик	80
Все пути навверх	81
Yulin dog	82
Надо мыслить объёмами	83
Я сбита временем	84
Уходят навек, не прощаясь	85
Политики танцуют перед массой	86
Властью власть поправ	87
Чженьбао	88
Когда рухнул Советский Союз	89
Девяностые	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Галактика души

Марина Макова

Редактор Ирина Гавриловская

Иллюстратор Марина Макова

Иллюстратор обложки Маргарита Хисамутдинова

© Марина Макова, 2020

© Марина Макова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-3456-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Издано при финансовой поддержке
Министерства культуры РФ
и техническом содействии
Союза российских писателей

Перед читателем новая книга стихов хабаровчанки Марины Маковой «Галактика души». Это пятый сборник её поэзии. Путёвку в поэтический мир Марине дал член Союза писателей России, известный камчатский поэт Евгений Сигарёв, высоко отзывавшийся о её стихах. В одной из центральных камчатских газет он писал: «Марина приятно поражает манерой говорить правду сердца вполголоса, раздумчиво, её больше тревожит не желание быть услышанной, а стремление быть понятой».

Тематика сборника необычно широка: это и злободневно-гражданские стихи, и стихи – вехи биографии автора, и лики истории, отражённые в строфах, и поэзия о поэзии и поэтах (В. Еращенко, В. Высоцком), и пейзажные стихи, перерастающие в медитативные.

Поэзия Марины Маковой ярко образна и щедро метафорична. Её метафоры оригинальны, яркие, свежи и всегда – открытие. Например: «под копытами молилась земля», «атакующей волной мчалась смерть», «и в темноте стоят глаза, твои глаза, как две мишени», «о брэнном щебечет тетрадь» и др. Перечислять можно до бесконечности. Яркие, оригинальные и эпитеты: «келейная тишина аллея», «вихрастая зимняя улица», «перепуганный юный дождь»... Иногда они подкреплены аллитерацией: «Березань – берёзовые ветры...» Стихи очень музыкальны. Это и переливы певучих сонорных и их аллитерации, наконец просто летящая музыка целых строф, когда стихотворение читается на одном дыхании – на взволнованном дыхании.

Стихи Марины Маковой сопровождаются рисунками. Она интересная художница, и рисунки в этой книге – границы разделов сборника, их предварение. Техника рисунков разная: масло, сангина, пастель, соус, уголь, тушь, карандаш. И стремительные карандашные линии многих её рисунков как быстрая нить летящей мысли в её стихах, как их свободное дыхание, а мягкие нежные оттенки многих лирических пейзажей и стихов о любви – как продолжение переливчатой светотени сангины и пастели.

Стихи Марины Маковой – тонкая, глубокая поэзия, которая, хочется надеяться, не оставит читателя равнодушным.

*Ирина Гавриловская,
член Союза российских писателей*

Галактика души

Моя дорога

Моя дорога – мимо шумных залов,
Аплодисментов, почестей, наград.
Мне ближе толчея и гул вокзалов,
Где много о себе не говорят.
Моя дорога – улицы и фрески,
Аллеи, коридоры, тупики,
Гитарный всплеск околиц деревенских,
Разлук и встреч стихийные шаги.

Гамаюн

Птица вещая Гамаюн,
Посмотри, как заря смеётся.
Голосами пернатых струн
Гимн звенит восходящему солнцу.

Повернулся прекрасный лик,
Шею выгнув, крыла раскрылила.
Есть в судьбе моей твой двойник,
В нём слились красота и сила.

Вижу мрак на большом пути,
И дорога идет на запад,
Чья-то тень надо мной летит,
И тревожит могильный запах.
Я не буду спрашивать в лоб:
Что там ждет за рассветною мутью?
На изломе сбежавших троп
Морок будущего проступит.

Сколько долгих холодных лун
До него мне шагать осталось?
Птица вещая Гамаюн,
Улетаешь? Какая жалость!

Поэзия лежала на прилавке

Поэзия лежала на прилавке,
Придавленная корочкой любви,
Вся в паузах. Коротенькие главки
Хранили рифмы звонкие свои.
А мимо завсегда и сновали:
То замысел искали, то сюжет,
Не замечая глубину и дали
Летящих строк, в которых жил поэт.

Мое счастье

А счастье зреет где-то в промежутке
Меж солнечным сплетеньем и тоской,
Которая засасывает жутко
Весь этот мир, наполненный тобой.
А счастье – это просто эйфория,
Летучая галактика души,
Когда все совершается впервые:
Мелодия, дыхание и жизнь.
Ему и года нет, а он хохочет
И излучает небывалый свет,
Моей дочурки крохотный сыночек,
Моей судьбы полуденной рассвет.

В келейной тишине аллей

В келейной тишине аллей
Есть святость залов углублённых.
Стволов колонны держат кроны
И свод туманов и огней
В келейной тишине аллей.
Немногословная листва
В дыханье ветра оживает.
И знобко музыка витает,
Не нарушая торжества,
Немногословна, как листва.

Небо роняет последний лист

Небо роняет последний лист,
Небо впадает в нас.
Ночью и днём огневой горнист
Славит рождённый час.
И между колких прозрачных звёзд
Моё сердце тревожно бьёт,
Ведь досужие мысли, лишившись гнёзд,
В безвозвратный уходят полёт...
Это значит, в крови много лунных тел,
Много ветреных злых комет.
Очень трудно увидеть сквозь толщу дел
То, как в нас вызревает рассвет.

Мы живём на контрасте

Мы живём на контрасте
Между жизнью и смертью,
Сублимируя счастье
Из лихой круговерти.
Ужасаясь порокам,
Принимая как данность,
Всё, что создано Богом,
То, что даром досталось.
То, что даром даётся
Не хранят, сберегая:
Всё ломается, бьётся,
А потом исчезает:
Судьбы, совесть, природа,
Даже прошлого факты,
Ведь не помнящий рода
В мир пришёл по контракту.
Существуя как ветер,
Больше руша, чем строя.
Ни за что не в ответе,
Но готов вечно к бою
За себя, за родного,
За желанья лихие...
Так, ломая основы,
Разум гасят стихии.

День опрокинулся

День опрокинулся и упал,
Время помчалось прочь,
А у подножья в заката завал
Жарко дышала ночь.
Мне не успеть этот час возвратить,
Рухнувший день не поднять...
Видеть досталось, как таяла нить,
Нас не успев связать.

Зори закрыли в объятьях день

Зори
Закрыли
В объятьях
День,
Крохотный,
Как бесконечность.
Громады-секунды мелькнула тень.
Тенькнула, звякнула вечность.
Вот она, у меня в руке,
Стрелки наматывает
На память...
А захочу
И прижму к щеке
Тёплую
Ласковыми руками.
Как совместить этот бешеный бег
С мукой немислимого терпенья?
Так из секунды
Рождается Век
И исчезает
В пространстве
Мгновеньем.

Нам в этот год, конечно, повезёт!

Как бесконечно много в мире света,
Иллюминатор¹, это позабыв,
Зажёг все звёзды плюс огни, планета
В час Новогодья движется в отрыв.
Она так верит чудесам и сказкам,
Где в мудрых елях год закончит срок.
А мир уже давно на грани встряски,
И очень важно всё ж, что с нами Бог!
И ангелы, свои почистив перья,
Пытаются нас в чём-то вразумить.
О стену расширяется доверье,
О ту, что сплошь из боли и обид.
Но где-то в подсознание, в дебрях детства
Живёт всё так же тайная мечта
С желаньями смешными по соседству,
Похожая на черного кота,
Того, что в песне связан с невезеньем,
Но всё ж должно когда-то повезти...
И в улицах колючее смятенье
Сквозь взрывы фейерверков к нам летит.
Вот так, под крики, грохот и рулады
Вступаем мы в идущий Новый Год,
И нам с тобой до боли верить надо,
Что в этот год, конечно, повезёт!

¹ Иллюмина́тор – специалист по устройству иллюминаций.

Я помню

Паруса

По краешку утра бредёт тишина,
Шуршит шёпотками сомнений.
Шевелятся шорохи лунного сна,
Крошатся в настроение.

А знаешь, нестрашно что-то терять.
Вообще ничего не страшно,
Даже когда на тебе печать,
И вместо души – загарник,
Впитавший событий безудержный груз,
И никуда не деться
От всех этих стычек, входящих во вкус
Целиться прямо в сердце.

В спазмах сжимаются кулаки
От боли и от обиды,
От соли из глаз, от голодной тоски...
И парусов не видно.

Однажды тяжелые небеса
Тучами сдавят плечи,
Крыльями влёт развернёт паруса
Над краешком утра Вечность.

Я жонглирую жизнью

Я жонглирую жизнью: то всплеск, то бросок,
То падение с крыши и кувырок,
Чтоб коснуться поверхности жёсткой земли
Мои тело с душой до конца не могли.
И таких перепадов довольно, но все ж
С моей правдой всегда уживается ложь,
Так срослись меж собой, что нельзя разделить.
Разрастается в сердце тревожная стыть.
Я жонглирую жизнью на волоске,
Фатум весь истончился, как жилка в руке.
Время мчит сквозь меня, перепутав века,
И болеют давно надо мной облака.

Я кричу в пустоту

А. А. К.

Я кричу в Пустоту!
В Пустоте только вольное Эхо,
И Пустыня знобящим туманом глотает слова!
Паутинное сальто, впадая в глухую прореху,
Цедит буквы и звуки, касаясь их кожи едва.
Ты не слышишь меня, ты гуляешь всё так же по краю.
Ну а там, на краю, суматошность обид и беды,
Незнакомые встречные просто с Земли пропадают,
Тают в скомканной вечности, не оставляя следы.
Каждый день телефон накаляется от напряжения,
Ты смеешься в ответ, говоришь: «Все болезни – в словах!»
И не видишь того, как без промаха, на поражение
Целит прямо мне в сердце насквозь пробивающий страх.

Струи речек, путей и дорог

Струи речек, путей и дорог
Жизнь смотает в прозрачный клубок.
За конец ухвативши тропу,
Ловко спицами свяжет судьбу.
И наставит в сплетении строк
Перекрёстки удач и тревог.
Пристегнёт переулки обид,
Чьи-то рожи, ухмылки и стыд.
И поступки, неясные мне,
Пропечатает в будущем дне.

Я помню

Я помню, как было
В начале,
Когда за спиной выросли,
Белея,
Два сильных крыла.
И кажется,
Экая малость,
Но что-то с душою
Случалось,
Летела она,
А не шла!
Внизу оставались
Ветры,
Стирались в песок
Километры,
И птицы
Срывались с крыш.
Мелькали события
И встречи,
И ты говорил,
Безупречен,
С досадой:
«Куда ты летишь?»

Это имя моё

Это имя моё как солёные волны взошло.
На песке проступали тревожные женские лики,
Что носили его, возрождая добро или зло...
Их летящие души – застывшая тайнопись книги.
Много грешниц среди них, непокорных и гордых рабынь,
И святых, чьи иконы висят в белокаменных храмах.
Это римское имя впитало искристую синь
И солёную горечь горячих гаремов ислама.
Дамы царских кровей, поэтессы с великой судьбой,
И колдуньи-славянки владели неистовой силой,
Что в народе давно величается просто «любовь»...
А любовь эта души и судьбы под корень косила.
Это имя моё – распустившийся тайно цветок,
Он, как светоч, горя, быть звездой путеводной намечен.
Что даёт мне оно? Нескончаемый звёздный поток,
Что летит сквозь меня, открывая за окнами Вечность.

Я уязвима, пусть

Я уязвима, пусть.
Это, наверно, грех,
Может, в отчаянье спуск,
Может, демарш наверх.
Пусть из ошибок судьба
Прячет в ущербность стыд,
Больно души резьба
На виражах кровит.

Белый призрак равнодушья

Там, где белый призрак равнодушья
Наискось судьбу мою прошёл,
Захлестнув её петлёй удушья,
Выбелило напрочь жизни ствол.
Слов и лиц в пробелах не заметишь...
Пустота... В забвении они.
Лишь печали непомеркший фетиш
В снах рисует канувшие дни.

Я ненавижу серый цвет

Я ненавижу серый цвет.
Холодная скупая морось...
И стынет города скелет
В ветрах, вопящих в полный голос,
В машинах, в скрежете колёс,
В испуге сереньких прохожих...
Плывут зрачки, глаза без слёз,
Все лица на одно похожи.
Деревья серою листвой
Впитали рухнувшее небо.
А над землёй, а над душой
Царует серость зло и слепо.
Она вбирает губкой жадной
Все крики радуги, спеша...
И серой краскою площадной
Исполосована душа.

Помню детство

Помню детство, помню крыши...
Странный мрак на чердаке.
А на крыше звёзды ниже
И стекают по руке.
Может, это и не звёзды,
Просто капельки дождя...
Под луной сидеть так поздно
Было нам с тобой нельзя.

Я иду

Я иду по канату над болью и злом.
Я иду, торможу, где он связан узлом.
Я иду над желаньями жалких страстей,
Над холодными бритвами ваших речей,
Над землёй, там уступы стекают в провал,
Над болотами душ, где насмешек оскал.
Я иду на виду, а канат ходуном,
Ошибусь – упаду в безымянный пролом.
И заплакать нельзя: не увижу пути,
А канат весь протёрт, истончён впереди...
Есть надежда – когда жизнь канат оборвёт,
То мгновенный, но мне всё ж подарит полёт.

Откуда-то из детства

Откуда-то из детства – шумный двор
И скомканные синие сугробы,
И снега скрип волнующе особый,
И небо занавесивший забор.
Щемящий запах солнца и зимы,
Смолистых дров и воробьиных трелей...
Потом мы как-то быстро повзрослели
И выросли из этой кутерьмы.

Уйду

Уйду по тайным тропам детства
В глухие старые дворы,
Где кошек сонное соседство
И перезвоны детворы.
Бельё висит, не просыхая,
И так загадочен чердак,
Где лестница скользит витая,
Скрывая за изгибом шаг.
Чердачное окошко ловит
Лесное чудо-озерцо.
Плоты до острова сокровищ
Несут по волнам храбрецов.
Мелькают самоделки-вёсла,
Скользит нога, качает плот.
Но вот среди пучины остров
К тебе причалами плывёт.
А там скрипучие качели
Летят неведомо куда
И вечерами стонут ели,
Примерив мрачные цвета.
Мерило степени отваги —
Шагнуть под лунным светом в глушь,
Где треск в ночи и бродят страхи
И стоны не почивших душ.
Они преследуют по следу,
И в пятках смелая душа,
И шины рвёт велосипеду
Дорога, гравием шурша.
Но мир так бесконечно ласков,
Как добрый Дедушка Мороз.
Зимой приходит лыжный праздник
Среди простуженных берёз.
А на катке у раздевалки,
Где перекрытый в сказку вход,
Мы на коньках по елкам-палкам
Сквозь крышу пробуем обход.
И мамы с папами не знали
Ни про подвалы-чердаки,
Ни про ночные велоралли
В лесу, ни про в коньках прыжки,
Ни про плоты, что нас пытались
Под волны прыткие спустить...
А годы детства длились, мчались,
Вплетаясь в жизненную нить.
Я почему-то вновь желаю

Вернуться в память лет назад,
Туда, где девочка смешная
Пытливый напрягает взгляд.

Методика управления залом

Меня на сцену вытолкнуло время,
Когда мне было очень мало лет.
«Поверх голов смотри и будешь в теме», —
На мой испуг мне выдали ответ.
И все слова шли в потолочный угол,
С которым в стыке путалась стена.
И, поднимаясь ввысь над залом пугал,
Мысль очищалась и была ясна.
Но если вдруг случайно обрывался
С диагонали взгляд и падал в зал,
Тогда портал эфира открывался,
Слова немые били наповал.
– О, что за стойка?! Что в одежде с цветом?!
И эта мина точно не к лицу!!! —
Стреляли голоса по мне дуплетом,
И жизнь реально двигалась к концу.
И текст крушился, попадал в провалы.
Забвение пыталось голос рвать.
А руки превращались в опахала,
И зов ступней: «Бежать! Бежать! Бежать!»
А дальше хуже. Если в мизансцене
Пройти случалось в танце или так,
Происходило в теле раздвоенье.
Один другому говорил: «Дурак!
Посмешище! Со стороны смотрю я,
Закомплексован весь твой бледный вид.
Пред публикою тот лишь не пасует,
К кому она сейчас благоволит».
Но, набираясь опыта с годами,
Выходишь к залу просто, без затей,
И видишь, как податлив он, как ранен
Напором твоих жестов и речей.
Глаза в глаза, не позволяя думать
Ему сейчас о лишнем, не спеши,
Ведь ты играешь на тончайших струнах
Перед тобой распахнутой души.
Многоголов и многоглаз безбрежно —
Он существо единое сейчас.
Его любовь, его тоска и нежность
Обращены к тебе. И в этот час
Ты можешь, откровенно с ним флиртуя,
На поединок вызвать целый зал,
А можешь лишь воздушным поцелуем
Сорвать безумства яростный накал.
Он у тебя в ладонях словно глина.

Ты лепишь то, что нужно в этот миг.
И вот момент величья – вы едины,
И зал уже не зал, а твой двойник.

Мне вновь язык фортуна показала

Мне вновь язык фортуна показала,
Шагреневою кожей стиснув жизнь
И притянув к моим концам «начало»...
Сiju, пишу псалом себе: «Вернись!»

О пересотворенье помышляя,
Вернуть себя пытаюсь из глубин
Самой собою созданного Рая,
Где я застряла, погрузившись в сплин.

У каждого есть времена такие,
Когда в бега пускается душа
От жизни, что бессмысленной стихией
Пытается ещё и угрожать.

Не надо мне ни взлётов, ни провалов,
Не надо мне сочувствующих слёз,
И глянцевую елкой с пьедестала
Предновогодья в безысходность сброс.

Когда-нибудь?!
А я сейчас намечу!
А я сейчас хочу в кордебалет!
И пусть со мной, танцуя, кружит Вечность,
Обычная, без роковых примет!

Зеро

Снова знаки спускаются свыше,
Чертит небо зигзаги судьбы.
Бирюзово-прозрачную крышу
Держат серых высоток столбы.
В пустоте небосвода издёвка:
Сквозь зигзаг проступает зеро.
Я опять надеваю ветровку
И теряюсь в стихии ветров.
Знак зеро – пустота, что провалом
В настроенье рисует излом,
И дороги впадают в вокзалы.
Что ж, бывает. Переживём!

Я – отступление от правил

Я – отступление от правил,
Склонное к мятежу.
Запрет раздвигаю руками,
От гневных словес ухожу.
Ночами, когда не спится
Или кошмар наяву,
Я вижу надменные лица,
Среди которых живу.

Когда мне тесно, я ломаю двери

Когда мне тесно, я ломаю двери,
Пустыню улиц за собой вожу,
Из чьих-то судеб, ставших вдруг потерей,
Без стука и обиды ухожу.
Не обиваю старые пороги
И лица раздвигаю, чтоб пройти
К ветрам из комфортабельной берлоги...
Из Века в Вечность есть ещё пути.

Бездна по краю

Строчки шальные
Лупят насквозь!
Это стихия
Ливнями вскользь!
Но задевает,
Как ни крепись,
Бездна по краю
Всю мою жизнь.

Досье

Соглядатаи дней и ночей,
Что вам нужно от дел моих?
Быстротечен часов ручей,
Только в паузах очень тих.
Только в заводях, где тоска
Опустилась на дно души,
Мягким илом лежат века,
Да качаются камыши.
Соглядатаи тайных встреч
И случайно забытых слов,
Я дарю вам на память речь
Моих прожитых голосов.
Компонуйте моё досье
Из проступков и бед моих.
Никогда я не буду как все,
Это мой основной вердикт.

А я пантерой стала

*«Я стала рыбой. Стала плыть во сне,
не зная о весеннем ледоходе.
Ты мне не сможешь больше дать по морде.
Ведь морды нет».*

БЕЗДОННАЯ РЫБА

Кабачкова Ирина

А я пантерой стала. И в ночи
Среди ветвей, стекающих, терялась,
Вдыхая космос, позабыв усталость,
Сломав ключи.
Пластичная, с набором гибких мышц,
Земная кошка с бархатною кожей.
Теперь со мной ты будешь осторожней,
Не возразишь.
Тянуться утром к солнечным лучам,
Перед прыжком, собрав пружиной тело,
Я с ветром подсознанием летела
В природы храм.
Там, где издревле листья от корней
Глощают жизни сок, и в лабиринтах
Ветвей и вен, раскручиваясь винтом,
Жизнь без затей.
Проста, как первоцвет, что снег сберёт,
Свежа, чиста, к ней хочется ласкаться,
Забыв гнилой надрыв цивилизаций
И грязный смог.
Такие сны порою дарит ночь,
Преображая всё во мне так странно,
Врачуя днями колотые раны,
Забрав их прочь.

Встреча одноклассников

Предсказания, что навеяны
Осуждением подъездных старух,
Не сбываются, мной проверено,
Только разово ранят слух.
Не касайся воспоминаньями
Негативов своей души,
Вдруг припомнившим все желания,
Что когда-то смог придушить.
Что сложилось, то не забудется,
Колесом пройдя по тебе!
И вихрастая зимняя улица
Нежным светом застрянет в судьбе.
И запомнится то, что помнится,
Что не в силах совсем забыть:
Парк простуженный, речка-скромница,
И слова твои: «Может быть...»
Да, не может, если сомнения
Обрывают надежды нить,
Поднимается отчуждение.
Встреча в будущем. Может быть...

Кто там сверху метели крошит
И сближает наши пути?
Я иду на свиданье с прошлым...
Знаю, что не узнаю, прости.

16.12.18

Когда-нибудь

Когда-нибудь я это вспомню:
Как ливень рушился с небес.
Насквозь промокшую часовню
Сжимал в объятьях тёмный лес.
Среди тайги текли дорожки
И серебрились фонари.
В твоей палатке, как в сторожке,
Царило солнышко внутри.
Когда-нибудь я это вспомню,
Тебя навеки позабыв.
Как музыкально цвёл шиповник...
В неприятельный мотив
Гитарные впадали струны,
Вплетались шёпоты и треск.
И мир вокруг, как мы, был юным,
Безгрешным, из сплошных чудес.
Когда-нибудь, когда, наверно,
Соприкоснутся невзначай
С гитарой струнной вечер нервный,
Чтобы всё заново начать.

Тупиковое время

Тупиковое время.
Слепота, глухота.
Я живу между теми,
В коих чувств ни черта.
На чужом диалекте
Я пытаюсь мычать.
Вы меня разуверьте,
Что размыло причал.
Что у Родины просто
На обед перерыв,
И что тутошний воздух,
Не фекалиев слив.
Что важнее по ходу
Вкруг себя маета,
Чем в ней больше народу,
Тем сильней ты тогда.
Как протест в подсознание,
Вызревает нарыв.
Я иду на закланье,
Я срываюсь в отрыв.
Я совсем не по госту
В этом мире живу.
Рву макет жизни просто
И меняю маршрут.
Ухожу в неизвестность,
Если будни – тоска.
Когда в обществе тесно,
Надо двигать в бега.

О чувствах

А. А. К.

Ты говоришь, что чувства не нужны.
Они мешают внутренней Вселенной
Ломать препоны, что рождает жизнь,
И пробивать чужих запретов стены.
Ты говоришь, что чувства – суета,
Елей тягучий, просто слизь и сопли.
В них пропадает запросто мечта,
Впуская в этот мир сплошные вопли.
Ведь, выходя на трассу, видеть цель
Не всякому дается, к сожаленью.
Событий, судеб, лиц и слов метель
Ложится на сознание грязной тенью
И отвлекает, тормозя в пути,
Сбивает с мысли правильных и с толку...
К тому же чувствам свойственно расти
И, расширяясь, никогда не молкнуть.
Ну что ж, наверно, нравственный аскет,
Верней, урод бесчувственный, удачлив
Гораздо больше, чем простой поэт,
Лишь потому, что смотрит в мир иначе.

Отчего так везёт постоянно?

Расколдобины жизни как язвы во мне,
Озадаченный разум напрягся вдвойне:
Отчего так везёт постоянно?
Каждый день неприятности дарят сюрприз,
Устремляя дороги, разбитые вниз,
Где давно заросло всё бурьяном.

И пытаются ветви достать, словно стек,
Чтоб ударом прервать мой порывистый бег,
Над кюветами я зависаю.
И боюсь не успеть, время слишком кровит,
Разливая по венам усталости стыд,
Направляя движенье по краю.

Я теряю людей, тех, кто дорог мне стал,
Сохраняя под сердцем обиды накал,
И иду на сближение не с теми.
Вместо солнца ветра нагоняют меня,
И дожди снова плачут и в чём-то винят,
Заливая утратами время.

Остановка полезна

*«Заедаю ржаную
деиёвой китайской тушёной.
За окном колотун.
И латунная в небе медаль.
Умер маленький Я.
И ненужные сохнут пелёнки.
Отпеваю тебя,
самозванный ты мой государь!»*

М. Салтыков

Остановка полезна, когда круговерть и движенье
Бесконечным потоком проходят, глуша, сквозь тебя.
Это Время такое – Безвременье и Сожаленье,
Когда где-то в сознание пропал совсем «маленький Я».

Не дано пережить эту жизни и где надо исправить.
Черновик, он такой, весь помарками будет светить,
Ну а позже придут, до конца исковеркают память
И дадут тебе дубль – в новом статусе все повторить.

Им плевать, что тебя в этом мире, наверно, не будет,
Твоя тень, твои строки, спеша в голограмму войдут.
Торговать сумасбродным издревле приучены люди,
Лишь бы мир поразить. Такой будет твой новый маршрут.

И поэтому стой и кури, и, конечно, подумай,
Прежде чем свои мысли пускать в безвозвратный полет,
Что они сотворят в этом мире глухом, кроме шума,
И кого на кусочки от режущих фраз разорвет?

У-Вэй

Проведи меня, Гуру, по тёмным протокам души,
Где давно уже вброд я пытаюсь достичь своей цели,
Где когда-то весь мир мне казался безмерно большим,
А теперь сжался весь, и моря в нём давно обмелели.
Состоянье У-Вэй²... Я уже в нём давно нахожусь,
В ожидании чуда, которое спустится с неба
И подхватит поток моих мыслей и раненых чувств,
Чтоб отчистить от грусти, что стала до боли нелепа.

² У-Вэй – состояние ничегонеделания (с китайского).

Я примерзаю к телефонам

Я примерзаю к телефонам.
Я выпадаю в Абсолют.
Меня уносят эшелоны
Туда, где почему-то ждут.
Сценарии, стихи чужие...
Зачем, когда во мне свои?
В меня вторгаются стихии
Совсем не нужной мне любви.
Покадрово глотаю съемки:
Мотор, вновь текст, опять мотор...
День за окном безумно тонкий,
Все остальное – шлак и вздор.
Я чувствую, что лёд лукавит,
Он не похож на зеркала.
В мою разбуженную память
Вбивают тонко гвозди зла.
Непрочно все и бестолково,
И скользко... Трудно устоять.
Придётся отвечать за Слово,
Которое вошло в печать.
Мне баррикады и трибуны
Уже давно не по нутру.
А телефон опять рвет струны,
С моей душой ведя игру.

Эволюция продолжается

Эволюция продолжается рассеиванием следов.
Ты уйдёшь, и за тобою побредут шаги...
Пыль запомнит схемы твоих ветров,
Отпечатки жестов твоей руки.
И если наша память – лишь рудимент,
Который, как хвост, отбрасывают года,
Всё равно в истории есть момент,
В котором каждый останется навсегда.
Такой, как при жизни: нелепый, смешной,
Немножко скептик, немножко творец...
Звено цепочки. А за тобой —
Гул голосов и биение сердец.

Из меня получился бы классный снайпер

Из меня получился бы классный снайпер
Или киллер хороший, видит Бог.
Это вам не в ворота забросить шайбу,
Сделав телом и клюшкой один рывок.
Здесь мишень должна совместиться с мушкой.
Меня с детства папа учил стрелять.
И я знала: яблочко – это не груша,
То есть это не фрукт, а просто печать.
На двери висит, и в неё стреляешь,
В сердцевину ровненько, пули в ряд.
На другом конце коридора знаешь,
Что мишени не плачут, не говорят.

Но азарт охотника, вызревая
В тёмных сферах запертой в теле души,
Уже ждёт, когда будет мишень живая,
Как панический ужас, в пространстве кружить.

Я стрелок ещё тот по бутылкам, но пластик
Прогибался под пулей и в воздухе чах,
Разбивая вдребезги чувство власти
Над чужою душой, упакованной в страх.

А когда на охоту меня сподвигли
Невзначай события занести,
Впились в сердце жалости колкие иглы,
Не срослись с дикой уткой мои пути.
Не нажала курок, хоть в прицел поймала.
Сколько метров до жертвы, секунд и веков?
Между жизнью и смертью лишь миг интервала,
И не каждый его перейти готов.

Да и как же палить мне по синей птице,
Всё равно что на мушку ловить мечту,
И теперь она по ночам мне снится
И куда-то зовёт за собой в высоту.

Уходил отец

Уходил отец, уходил,
Затворяя неслышно двери,
В чёрный сумрак вороньих крыл
Неожиданною потерей.
Уносил с собой целый мир:
Перезды и полустанки,
Добрый солнечный свет квартир,
Вкусно пахнущих спозаранку.
Портупей и кобура,
В орденах и в медалях китель,
Гимнастёрки, погоны... Вчера
Словно было всё... Извините,
Но я помню утро в росе,
По тайге грибные походы,
Как, наполнив ёмкости все,
В плащ-накидке дары природы
Выносили мы не спеша.
А рыбалка! Рыбак с рожденья!
В лесках, в удочках тает душа
От великого наслажденья.
О тебе бы романы писать:
Как ты пел и солировал в хоре,
Как ты с детства задумал летать
И взлетел высоко, кто бы спорил.
Восемь лет уже как снега
Без тебя в этот мир приходят,
Много рыбы теряет река,
Катаклизмы гуляют в природе.
Наша жизнь – ежедневный стресс,
Мы на дно идём словно Китеж,
Жутко стонет затопленный лес,
Хорошо, что ты это не видишь.

Скажи мне, брат

Скажи мне, брат,
В чем миссия твоя?
Её с рожденья в сердце согревая,
Мы шелухою жизни обрастаем,
Толстой кожей скверны Бытия...
Соблазны, страсти, мелкие людишки,
Ничтожные поступки и дела...
Возможно, мы не те глотаем книжки,
В них очень мало Света и Тепла.
Уже не докопаться до истоков,
До той заветной цели, до глубин...
А жизнь привыкла состоять из Сроков,
У каждого свой Час, и он один...
К исходу время катится, сгорая.
Скажи мне, брат, в чем миссия моя?
Мне трудно вспомнить... Время замечает
Событиями начало бытия.

Дочери

Кровь от крови моей, плоть от плоти,
Изогнутая бровь и протест!
Что вы, юная леди, несёте,
На учёбе своей ставя крест?

После школы какая работа?
В институт все стремятся всегда!
Ты мой стресс! Моя боль и забота!
Ослепительная звезда!

Зачеркнула традиции наши.
Как же так, все каноны в утиль?
Тебе двадцать один, и не страшно
На дыбы каждый день ставить мир.

Ты франшизе приделала ноги,
Муж, ребёнок, директор ООО...
Что ещё о тебе? Профиль строгий,
Вуз московский, да много всего...

Ускоряешься на поворотах,
Пробивая дорогу свою,
Жизнь заталкивая в расчёты,
Чертишь чётко свою колею.

И в кого ты такая, не знаю...
Раньше тоже я шла напролом,
Нарушая собрания правил.
Вот аукнулся подлый геном.

Самосотворение

Растерять себя по капелькам
В чьих-то судьбах и делах,
В переходах и на паперти,
В спальнях, в жестах и в словах.
А потом бродить по улицам
И нащупывать глаза,
В чьих моя душа сутулится,
Прикипая к образам.
Собирать себя построчечно,
Извлекая из бумаг,
Из глубин, где имя-отчество
Затуманилось в бегах.
И, себя рисуя заново,
Чувства все перелистать,
И уже под самый занавес,
Наконец, счастливой стать.

Наверно

Верно,
Наверно,
Не быть мне стервой,
Судьбу не кормить с руки.
Она не голубка,
Не однолюбка,
Мгновенье —
И дальше летит.
Конечно, спокойней
И даже прикольной
Держать под уздцы свою прыть.
Тепло и не больно,
Вокруг все довольны...
А мне так и дня не прожить.

Я наполняюсь смыслом

Кто-то сжигает ночи, загнав свою гордость в угол,
А мне удачу пророчит время душевных пугал,
Бремя холодных мыслей, ржавых идей колючих...
Что же вы там зависли, явно не ваш это случай?!
Я снимаю скафандр, чтобы вдохнуть атмосферу,
Фиксируйте этот кадр, он укрепляет веру.
Мне дышать не мешают ни склоки, ни злоба, ни горе,
Только путает память людское безбрежное море.
Глаза, улыбки, усмешки... Я где-то уже встречала
В неясном далёком прежде, где зрело моё начало.
Очень трудно припомнить, что нас сближало раньше.
Года исчезают в полночь предновогодней фальши.
И те, кто меня зачем-то вовсе не забывали,
Как продолжение ленты жизненной по спирали.
Теперь я наполню смыслом все мои дни и ночи!
Ну что вы опять зависли, запутавшись в моих строчках?

Знаешь, я ни о чем не жалею

Завязать в один узел все встречи,
Перепутья, тревоги, мосты,
Те, что я потеряла, калечась
О мои голубые мечты.
Из реалии в нереальность
Невозможно, наверно, скользнуть,
Но судьба, примеряя фатальность,
Четким росчерком метила путь.
Синяки набивая, ушибы
И сдирая всю кожу с колен,
Я наделала массу ошибок
Без кровавого вскрытия вен.
Я в безверии веру искала
И попутно теряла любовь.
Все мои города и причалы
В подсознание сливаются вновь.
Знаешь, я ни о чем не жалею,
Только вот на секунду б вернуть
Ту девчонку с весенней аллеи,
Что вступает на жизненный путь.

Что останется?

А. А. К.

*«Планеты и миры пройдут через сознание
И в вечности найдут заслуженный покой,
Когда придёт черёд и рухнет мирозданье,
И Время распрощается со мной».*

Марина Макова

Что останется? Это лето,
Золотое, в прожилках света,
И ветра – в них моё дыхание,
Томик слов – атрибут закланья,
И ещё, наотмашь, тревоги
И загадка моей дороги,
И стихи те, что мне посвящали,
И любовь, что случилась в начале.

Очень много остаться может,
Что ещё страдает и гложет,
Ежедневно ночами тоскует.

Да отбрось ты печаль такую —
Суету сует, заземленье,
Переклиненное настроенье.
Ведь ещё останется дочка —
Это импульс для многоточья,
Это генов разбег по свету
И возврат в золотое лето.

Знаешь, Целитель

Знаешь, Целитель,
Меня исцелить невозможно!
Ты мне открыл эту тайную звездную дверь
И заразил неизбывной тоской бездорожья,
Дав два в одном – ветер воли и ветер потерь.
Там, где реальность и правда сочились без меры
И уходили в ничто голубые миры,
Светоч надежды сгустился над зыбкою верой
И подключил к лабиринту азартной игры.
Кто здесь герой, чья здесь карта по-крупному бита?
Кто опоясан рифмованной этой бедой?
С каждым мгновеньем растёт зачарованный свиток,
Словно соцветие судеб, событий... Тобой
Всё здесь продумано вплоть до печальной могилы:
Жизни, ристалища и местечковое зло...
Ты мне прости, если очень тебе я дерзила,
Мне несказанно, я знаю, с тобой повезло!
Слышишь, целитель, во мне просыпаются дали,
Звёздные тайны ломают мой призрачный путь...
С этой реальностью справлюсь сама я едва ли,
Но отправляюсь туда, где меня не вернуть...
Дай мне в попутчики чуть опечаленный вечер.
Дай мне в попутчики мудрого, как и ты.
Пусть будет просто он добрый и умный советчик,
Я ведь давно все мечты превращаю в цветы...

Время моё

О времени не надо говорить

О Времени не надо говорить,
Его и так обсасывают все.
То рвётся, то в узлы связует судьбы
Тончайшая невидимая нить.

У Времени нет ясности границ,
Есть бесконечность мысли и движенья,
Оно сродни мелодии скольженья,
Дыханью звёзд и перелётам птиц.

Им надо жить и впитывать его,
Как дуновенье ветра, всюю кожей...
И не считать года, что быстро прожил,
И не гадать: а сколько же всего?

Меня нагоняет время

Меня нагоняет время
Ливнями листопада.
Давно я уже не в теме
Капли звенящего сада.
Месяц над головою
Звёздный придвинул полог,
Зреет под бахромою
Колкий его осколок.
Я вырываюсь часто
Из знобких кварталов ночи,
Когда за окном лучатся
Тайны грядущих пророчеств.
Живу, упиваясь неверьем,
Лишь практике доверяя.
И надо мною время
Звёзды свои теряет.

Нас с пеленок учили бороться

Нас с пеленок учили бороться,
Знали мы, что не дремлет враг,
Корни нашего первородства
Прорастали в победный шаг.
И не ведали мы, не вникали,
Что за время над нами кружит.
Нас идеями загоняли
В тупики и провалы души.
И пошли мы по тем провалам,
Исчезая в них ни за грош,
Сколько сверстников там пропало,
Днем с огнем их сейчас не найдешь.
Среди каменных лбов и стенок
Мы искали выход, исход.
Кто устои взрезал, кто вены,
Но мы двигались все ж вперед.
И без трепета, без волненья
Расписали в газетах итог,
Чтоб потерянным поколением
Обозвать всех нас оптом в срок.

Я рисую свой век с натуры

Миг, рожденный бурлящим веком
Средь неоновых злых огней,
Повсеместно страдает бегом
Ускользящих в вечность дней.
Лики судеб живой гравюрой
В биоритмы врастают Земли.
Я рисую свой Век с натуры,
Он позирует за рубли.

Разговор по душам

Любопытная персона, вроде даже не ворона,
Отчего с таким презреньем на весь мир с верхов глядишь?
И скрипучим диким криком, комментатором великим,
Ты меня сопровождаешь то с ветвей, то с дачных крыш.
Я, конечно, не летаю, и моя бескрыла стая,
Хотя день бывает разный и порой огреет так,
Что летишь как в пируэте – в нашей жизни как в балете:
То растяжка мелковата, то в шпагат впадает шаг.
Предостаточно примеров для летательных маневров,
И у каждого, я знаю, был когда-нибудь полёт.
Нужно крыльям больше веры, взлёт осилит только первый,
Кто стремительно и гордо все преграды лбом пробьёт.
Ну а ты, шальная птичка, вероятно, истеричка,
Раздражает, видно, очень, что является людьми...
Да, средь нас, скажу я лично, не все выглядят прилично,
Слишком жизнь неоднозначна, потому что «се ля ви».

Птица вещая с неба пала

Птица вещая с неба пала,
Широко развернув крыла.
Серебристую дрожь краснотала
Вековая покрыла мгла.
Просыпалась заря-заряница,
Окровавленный мерила плащ,
Опрокинув на сонные лица
Горе-горькое неудач.
Что за вороги землю терзают?!
Распродажа ликует окрест...
Сквозь безумство вороньей стаи
Не пробиться тебе, благовест.
Над Россией не стало сини...
На равнинах и между гор
Столько нищих, убогих, сирых
Заливают обидой взор.
Ты не веришь уже предсказаниям,
Моя бедная, славная Русь.
Сквозь пожары пылающих зданий
Видеть будущее не берусь.

Мой век – чертополох!

Мой век – чертополох!
Он врос в святую землю,
Как истинный сорняк,
Нарушив благодать!
Мой век – чертополох,
Но я его приемлю
С психушкой и тюрьмой,
С умением страдать.
Мой век – чертополох,
Бедою переполнен,
Он болен воровством,
Оболган навсегда.
Жестокий, как пигмей,
Он бродит в стенах комнат,
Где в рамочках висят убитые года.
Век славных, добрых дел,
Которым счет неведом,
В который раз спеша возводит
Пьедестал
Там, где упали в грязь
Свершенья и победы,
Что прежде второпях
В историю вписал.
Мой век – чертополох,
Он сам себя линчует,
Он сам себя творит,
Но скоро хлопнет дверь,
И он, наверно, стыд своей кончины чувствует
И мечется в тоске,
Затравленный, как зверь.

Переполненные автобусы

Переполненные автобусы,
Передавленная толпа.
Нас качают на маленьком глобусе
Время, музыка и борьба.
Под ногами Земля, как в вальсе...
Ты за стойку руками схватись.
Может, это шофёр причастен,
Что мы часто падаем вниз?

XX век

Идёт к концу мой золочёный век,
Мой век, пропахший потом и бензином,
Предательством, что судьбы развозило
По лагерям и под могильный снег.
Мой век трибун, красноречивых слов,
Наветов, сплетен, клеветы и мести.
Не верю, что, возможно, есть предместье,
Где веку не предъявлено счетов.
Где тишина и божья благодать,
Нет пострадавших или обличённых,
Где целы речка и земля, и кроны
И мыслимо о будущем мечтать.

Здесь мира нет

Здесь мира нет.
Иди в духовный скит!
Живи среди стен, где древние иконы
В ночной тиши с возможностью антенн
Со всей Руси улавливают стоны.
Что нужно человеку по судьбе:
Дорога или лики безучастья?
Какой талант вы заперли в себе,
Искатели несбывшегося счастья?
Твоя тоска плывёт издалека,
На воле среди людей возводит стены.
Душа срывает небо с потолка,
Крушит замки и требует измены
Своей судьбы. Но люди в мире злы,
К своим сооружениям равнодушны,
Они взрывают стены и углы
И в тупики заталкивают души.

Восемнадцатый год

Новый год – восемнадцатый – грохотом мир сотрясает!
Разноцветные сполохи режут небесную твердь!
Дикий вопль восторга полночной ликующей стаи
К первобытному детству с кострами восходит на треть.
Я опять торможу, спотыкаясь о судьбы и лица,
И накатом спускаются прямо мне в душу снега.
Есть возможность застрять в суете, а потом раствориться,
Но сакральная жертва – кому она здесь дорога.
Мы легко расстаёмся с ушедшего года мечтами,
Отряхнувши с себя всё, что кануло в бездну сейчас.
Изменяем с грядущим, ведь минувший год – уже память.
Ну а то, что исчезло, нас вряд ли когда-то предаст.
Подари мне удачу, вселенский разбуженный ветер.
Этой ночью волшебные силы безумно сильны.
И меж звёзд ритуальных горят наши души, как свечи,
Очищая себя от грядущей и прошлой вины.

Значит, снова война

Значит, снова ВОЙНА на потеху великому братству...
Над татами опять вихри бурь, лязги молний и ор!
В своих мелких страстишках не может народ разобратся.
Триедин наш судья, адвокат он и плюс прокурор.
Оскорбленья летят, сотрясая проклятьями воздух...
Грязь, потоком скользя, брызги склизкие метит в зевак.
И звучат словеса из-под лат, громыхающих грозно,
Вознося весь абсурд до вершины с названьем Пустяк.
А вершина, она словно Колосс на глиняных ножках,
Ей не выдержать груз самомнения, хамства и зла,
Да к тому же когда всё так щедро удобрено ложью...
И покроет ристалище многовековая мгла.
Было ясно всегда то, что критику мало кто любит,
И встречают её как угрозу для жизни своей,
Собирают полки на защиту «несчастные» люди
И вступают в войну против, в общем-то, добрых идей.
Бойся, критик, толпы, понасыпав словесные камни
На идеи твои, тебя лихо смешают с дерьмом.
Не печалься, мыслитель, ты руку побитую дай мне
И подальше от лобного места давай отойдём.

Идёт охота

Не подставляйся так неосторожно!
Распяты предназначено в судьбе!
Идёт охота по следам дорожным,
Она уже всё знает о тебе.
Идёт охота
Со сдираньем кожи,
С выдёргиваньем нервов,
Рубкой фраз...
Она стихи твои по строчкам гложет,
Являя миру глупый перифраз!
Охота, опьянённая угаром,
Толпой на одного,
Такой кураж!
И ненависть врывается пожаром!
Стреляй в охоту!
Только
Не промажь!!!

Разговор на бегу

Вечер спешил, остановками высвечен,
Звёзды летели меж веток и крыш.
Был в темноте траекторией вычерчен
Бег в никуда... Почему ты молчишь?
Мчатся года и часы опрометчиво,
Мир опоясало полем тревог,
С трезвым расчётом себе человечество
К дулу прикладывает висок.
Нас музы беспечностью сладкою потчуют,
В то время когда онемела Земля,
Когда вырастает чудовище волчье,
Готовое слопать тебя и меня.
А мы выключаемся тусклыми лампами
Из ужаса серых газетных минут,
И чёрные ночи кошачьими лапами
По душам уснувшим тихонько бредут.

Идет состав по всей Руси

Опять экскурсия в войну...
Состав с «Сирийским переломом»
По рельсам через всю страну
Вагоны гнал с металлоломом.
У ржавой техники, в боях
Свои увечья собиравшей,
И грозный вид, и жуткий страх,
И память от неё страдавших.
Пальмиры – древности святой
Разграбленные исполины,
Халед Асаад с большой бедой
Ликообразной гильотины.
И древний мир, как силуэт
С учебника обложки старой,
Шагнул в расстрелянный рассвет,
Наполненный безумной карой.
Здесь, в этой драме мировой,
Какое место отвели нам,
Зачем мальчишки наши в бой
Идут к поверженным руинам?
Солдаты гибнут и врачи
У человечества на плахе,
Где с дикой злостью палачи
Народ свой держат в вечном страхе.
Идет состав по всей Руси,
Скрипят года под эшелоном,
И только ветер голосит,
Повсюду собирая стоны.

Снова время пожаров

Снова время пожаров. Пылают таёжные чащи.
В городах и посёлках безвылазно царствует смог.
Нотр-Дам-де-Пари – чудный храм красоты настоящей,
Даже он устоять перед пламенем жадным не смог.
Красота красоту языками горячими лижет...
Бесконечно могу на слепящее пламя смотреть.
Это кара богов, когда рушатся древние крыши,
И деревья горят, золочёная плавится медь.

Этот год на пожары особенно щедр и коварен,
Сколько душ он унёс, завернув их в пылающий чад,
Хищно вырвав из сна негой дышащих детских и спален,
Невзирая на возраст: совсем стариков или чад.
Что вменялось в вину? Бесхозяйственность? Лютая злоба?
Или просто халатность, стихия, несчастья, судьба.
Но в беде, как всегда, виноваты случаются оба:
Жертва и террорист. А планида обычно слепа.
Мы сжигаем себя ежедневно в ничтожных заботах,
Вычищая из душ пепел фраз и не выживших дел,
Загрудняясь решить вечный простенький ребус: а кто ты?
Я – лишь остов души, что ещё до конца не сгорел.

Картонная леди

Где твой домик, картонная леди?
Лишь сквозного дыханья углы...
Шелест ног проходящих – соседи.
Серый отсвет асфальта – полы.
Кто-то двери и листья обоев
С твоей скомканной жизни содрал,
Зачеркнув дней и лет нажитое
И оставив ущербный оскал.
Стынут стены твои – переулки...
А луна – ледяное окно.
Ах, как пусто, как страшно, как гулко
Опускаться на самое дно.

Очумелый одуванчик

Очумелый одуванчик,
Как китайский ты болванчик,
Весь в согласии с порывом и дыханием ветров.
Чуть головкою качая, ничего не замечаешь,
А вокруг летит планета, мир вообще без тормозов.
Сумасшедшее движенье, на секунду напряженье,
И срываемся со свистом, пропадая в скоростях.
Отпустите раздраженье, перепады настроенья,
Просто нами рулит Время на свой риск и на свой страх.
Мы зависимы, конечно, от понятий «Боль» и «Нежность»,
От стихии «Эйфория» и поветрия «Любовь»...
Но вы лучше переешьте «Потрясений» и «Надежды»,
Чтобы каждый день грядущий как последний встретить вновь.
Серебристый одуванчик, как тебя, нас вихри нянчат,
В «Сожаленье» и «Тревогу» мы мигрируем порой,
А Земли зелёный мячик вокруг солнца бойко скачет,
Хоть из космоса, кто видел, он, конечно, голубой.

Все пути наверх

Голубиный день
Под закат глядит,
Воронья тень
Для него – магнит.
Тянет полумрак,
Звёздный фейерверк.
Это ж надо так —
Все пути наверх.
Ну а тем, кто здесь
Выразит каприз,
Тоже тропка есть,
Но с карниза вниз.
Ворон голубей
Жалует едва,
На закате дней
Ночь всегда права.

Yulin dog

Мчатся фуры по перелескам,
Через реки и жар пустынь,
Через судьбы, любовь и стрессы
В место ужаса – город Юйлинь.
В этом городе нынче праздник —
Ежегодный мясной фестиваль,
Сколько он развлечений разных
Приготовил, забыв про мораль.
В тесных клетках по пять, по восемь
В страхе жутком пушистый груз.
До сих пор кто-то в сердце носит
Их, как радость, любовь и грусть.
Сколько здесь домашних питомцев,
Тех, что выкрали из квартир.
У детишек забрали солнце
И весёлый пушистый мир
На щенячьих, кошачьих лапах,
Что приветствовал каждый день
И потерей заставил плакать,
Превратившись мгновенно в мишень.
Беспородные и породные,
Всех регалий, цветов и мастей
На едалище ежегодное
Их живыми везут, чтоб свежей.
Там на пики наколют прилюдно,
Будут шкуру огнями палить,
Это даже представить трудно,
Не понять и не разъяснить.
На мясном фестивале народу,
По традиции, невпроворот,
Чьи-то грусть, любовь и свобода
В ненасытный уходят рот.
Да, в Японии, знаю, было:
Поедали заклятых врагов,
Это вечность уже сокрыла,
Унесла в лабиринты веков.
Но друзей, тех, что преданы людям,
И с рождения – члены семьи,
Тех, что солнце в ненастье будят,
Как предать вы так страшно смогли?
Через пропасти равнодушия,
Мелкотемья великих бед
Предлагаю всем миром разрушить
Фестиваля мясного скелет!

Надо мыслить объёмами

Надо мыслить объёмами,
Рисовать плоскостями,
Слыша, как между стонами,
Мир скрепит челюстями.
Может быть, это лечится?
Но болят постоянно
У всего человечества
Прокаженные страны,
Покаянные области,
Беспризорные дети...
Дефицитами совести
Промерзает столетье.
Надо мыслить объёмами:
Не частями, а в целом,
Понимать: за кордонами
Тоже люди, не цели.

Создавать плоскостями
Из этюдов картину,
А не сможешь – кистями,
Замеси круто глину.
Нужно думать поэтами,
Ими мир обнажаем
И блуждает ответами
Между адом и раем.

Мы стыдливые очень,
Мы глаза опускаем,
Видя, как рифма-строчки
Чью-то тайну вскрывают.
И дрожит липкий страх
В неприкрытых одеждах,
И грубеет в словах
Откровенная нежность.

Я сбита временем

Я сбита временем, его колёса тяжки,
Бессильны утешенья и врачи.
Я встану, уберите все растяжки,
Не ставьте в изголовье мне свечи.
Я сбита временем потерянным, вчерашним,
За ним почти что затворилась дверь,
Минувшее уже не очень страшно,
И безвозвратно, думаю, теперь.
Лжеправда унижает и калечит,
Из рая всех заталкивая в ад.
Я сбита с толку уходящим в вечность,
И не понять, кто прав, кто виноват.

Уходят навек, не прощаясь

Ирине Павловой

Обидно, когда внезапно
Уходят навек друзья
И забирают «завтра»
Своё, в небытие скользя.

Уходят навек, не прощаясь,
Невидимые уже...
Их лица, слова, печали
К твоей примерзают душе.

Навеки, навеки, навеки!
Как короток этот век.
Сомкнулись траурно веки,
Весна прекратила бег.

Вернее, она всё длится,
Только уже без тебя.
С твоих фотографий лица
Почти совсем не грустят.

Смеются и шутят так же,
Как прошлой осенней Москвой.
На Поэмбуке однажды
Мы стали дружны с тобой.

Землячка, прощай, до встречи,
Ты новый исследуешь мир.
Ушла в бесконечную вечность
Из душных земных квартир.

Политики танцуют перед массой

Политики танцуют перед массой.
А массы обездвижены давно,
Как будто манекены из пластмассы.
Им всё равно.
Возможно, где-то в середине кухонь
Кастрюльный нарисуетя протест,
Но интернет, как развесёлый ухарь,
Всё смачно съест.
Устали мы от смены ситуаций,
От воровства и наглого вранья.
Желание понять и разобраться
Не для меня.

Властью власть поправ

На Центральном кладбище
Отпевали павших
Не от пули вражеской —
От наветов наших.
Властью власть поправ,
Выносили сор
Из забытых снов,
Из дремучих нор.

Чженьбао

Есть остров на свете с названием странным,
Чжэньбао³ китайцы зовут.
И прячет тот остров глубинные раны,
Война похоронена тут.
Луга заливные и несколько зданий...
Чем он «Драгоценный» такой?
Не тем ли, что отдан врагу на закланье
Со всей своей русской землёй?
Когда-то был нашим и звался Даманский,
Приморской границы рубеж,
И недруги рвались к нему подобраться,
Создав провокаций мятеж.
Заслав хунвэйбинов, крестьян и военных,
Границу старались порвать
И зверски пытали захваченных пленных.
Ты помнишь их, Родина-мать?
Мальчишек своих, что тебе будут сниться,
Не отступивших тогда,
Поднявших на щит это слово – «Граница»,
Историей став навсегда.
Что падали в снег, что заслоном стояли
И в «тактике живота»
Теснили Китай в поднебесные дали
С российской земли. Шли года...
И всё поменялось в подлунных чертогах.
Нас продали на корню.
Остров отдали. А он был порогом
Прямо в Россию мою.
И дверь распахнулась, теперь нет местечка
В стране, где не бродит Китай:
Поля, города и посёлки, и речки...
Везде он, иди, посчитай.
Мы помним Даманский, мы вас не забудем,
Героев, пополнивших рать!
Есть всё же в стране настоящие люди,
Не созданные отступать!

³ Чженьбао – в переводе с китайского «драгоценный».

Когда рухнул Советский Союз

Когда рухнул Советский Союз,
В мире было спокойно и тихо,
Не взорвался от боли и крика
В никуда опускаемый груз.
Он, как Китеж, на дно уходил
Нашей памяти, и в подсознание
Отправлялась страна на заклятие,
Под зловещее хлопанье крыл.
Или это ладони трибун
Звук касания в мир посылали,
Как же мы, всё не чуя, проспали
И не вышли с тобою на бунт.
Где-то там по брусчатке Москвы,
Грузно гусеницы перебирая,
Танков тёмных гремучая стая
Выходила с народом на «вы».

Взрывы газа в высотных домах
И пожары в торговых чертогах —
Это было ещё так далёко...
И войной не туманило страх.
И почти что все были равны.
Не случалось зажавшихся бестий.
Ещё были республики вместе,
Не на грани безумной войны.
И не гнали страну на правёж
За долги, за кредиты. Россию
Не дурили лихие мессии,
Предварительно сделав грабёж.
И Китай не стремился отжать
Землю русскую аж до Урала.
Что ж сейчас со страной нашей стало?
С нами что? Почему всем плевать?
Мы живём только нынешним днём,
В мир обиды свои источая,
И не видим, что путь наш отчаян
И затерян в песке временном.

Девяностые

Ах, какие лики современных улиц,
Сколько здесь контрастов: сытость, нищета,
Руки бывших русских с новыми столкнулись,
Подаянья просит черная беда.
Нищая Россия на задворках века,
В тупичках подвальных с воплями и без,
В офисах, в трущобах ищет человека.
Время на излёте – человек исчез.
В пьянстве и разврате, в оргиях, в притонах,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.